

Запропонована класифікація не претендує на довершеність. Вважаємо, що вона може служити основою для подальшого вивчення оцінно-з'ясувальних складнопідрядних речень сучасної української літературної мови.

Література:

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
2. Гладров В. Функциональный анализ сложноподчиненного предложения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 267с.
3. Мирошникова М.Г. Функционирование сложноподчиненных оценочно-изъяснительных предложений в речи: Дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 1994. – 195с.

Поступила 18.08.2004 г.

СЛОЖНЫЕ АДЪЕКТИВЫ С ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКОЙ

А.П. Прокопец

В статье исследуются семантические процессы, при помощи которых формируется лексическое значение сложных имен прилагательных, выражающих понятие подобия на имплицитном уровне.

Ключевые слова: сложные адъективы, метафоризация, метонимизация, семантические процессы

У статті досліджено семантичні процеси, за допомогою яких формується лексичне значення складних прикметників, що виражають поняття подібності на імпліцитному рівні.

Ключові слова: складні ад'єктиви, метафоризація, метонімізація, семантичні процеси

In the article semantic processes are analyzed using which lexical meaning of the compound adjectives are formed. These processes are expressing of similarity explicitly.

Key words: compound adjectives, metaphORIZATION, metonymization, semantic process

Сложные слова являются одним из средств выражения в языке определенных понятий и категорий. Представляет интерес формирование лексического значения композитов, с помощью которых передается понятие; подобия. Это сложные имена существительные (*книгоед* – «страстный любитель книг, который их как бы поедает»; *лизоблюд* – «тот, кто прислуживается к кому-либо из мелких, корыстных побуждений и как бы подлизывает с чужого блюда») и прилагательные (*стекловидная эмаль*; *соколиноглазый повелитель* – «такой, у которого глаза как у сокола»).

Сложные адъективы передают категорию подобия как на эксплицитном уровне (*сигарообразный автомобиль*, *миндалевидные глаза*), так и на имплицитном (*стрелокрылый самолет* – «такой, у которого крылья по форме напоминают стрелу»; *шоколаднокожая девочка* – «такая, у которой кожа по цвету напоминает шоколад»).

Цель данной статьи – исследовать семантические процессы, при помощи которых формируется лексическое значение сложных имен прилагательных, выражающих понятие подобия на имплицитном уровне.

Источниками служат словарные материалы «Новое в русской лексике» (НРЛ) за 1977-1988 гг., словари-справочники по материалам прессы и литературы 60-х, 70-х, 80-х годов «Новые слова и значения».

Рассматриваемые композиты представляют собой окказиональные производные эмоционально-образного характера. Это явления единичные, индивидуально-авторские, в основе которых лежат неожиданные, неповторимые смысловые ассоциации.

С помощью таких слов экспрессивно и лаконично передаются определенные качества и свойства, подчеркиваются особые, специфические оттенки значений, достигается новизна выражений.

Семантические отношения при образовании сложных адъективов данного типа имеют свои особенности. Основным средством номинации является производное слово. Номинации в языке чаще всего основываются на самых типических признаках предмета. Однако «иногда они базируются на признаках случайных, второстепенных. Поэтому и производные слова не всегда создаются на основе наиболее типических связей между производным и базовым (производящим). Эти связи могут быть

индивидуальными, редкими. Именно поэтому выявление тех видов семантических отношений, которые наблюдаются между базовым и производным, столь важно и для теории словообразования, и для уяснения сущности процессов номинации» [1, с.122].

Сложным именам прилагательным, выражающим понятие подобия на имплицитном уровне, присущи семантические отношения, которые в большинстве случаев имеют метафорический характер, причем метафора может быть разной (уподобление по форме, цвету, по функции и т.д.). Исследуемые композиты отличаются яркой образностью, экспрессивной окрашенностью, и чем неожиданнее обнаруживаемое у деривата сходство, тем необычнее передаваемое качество или свойство.

Часто в основе образования таких производных лежит ассоциативный признак, который воспринимается, угадывается носителем языка. «Для тех, кому русский язык является неродным, его необходимо выявить, а связь исходного значения и результативного – мотивировать, так как в определении последнего может не быть компонентов, указывающих на его связь с исходным значением... Следует добавить, что эти признаки почти неуловимы, ассоциации подчас необъяснимы, они апеллируют к языковому чутью говорящего, его лингвострановедческой компетенции и т.д.» [2, с.115].

Например, *кинжалоглазые ханы* – «такие, у которых взгляд подобен острию кинжала; жестокие, коварные» (НРЛ-77): «*Кинжалоглазые ханы* еще посылали из-за гор отряды грабителей, но казачьи линии и гарнизоны перерезали древние пути разбоя». Ср. *кинжал* – «холодное оружие в виде обоюдоострого клинка, суживающегося к концу». Семы «жестокий», «коварный» актуализируются благодаря ассоциациям, связанным со словом *кинжал* – «не знающий пощады», «удар в спину» и т.п.

По своей словообразовательной структуре анализируемые имена прилагательные представляют собой сложения с опорным компонентом, содержащим основу существительного. Значительную часть составляют субстантивы со значением части тела человека или животного, что характерно как для обычной метафоры (*буйвологлазый бармен, солнцеголовые карпы, кактусоногий человек*), так и для олицетворяющей метафоры [3, с.95] (*зеленокосая ивушка, мраморноликий город, бронзовомордая дверь*).

Следует отметить, что из частей тела человека или животного образная характеристика чаще всего дается глазам (*искроглазый красавчик*, субстантивы – *ястребиноглазый, хищноглазый, огненноокий, рысьеглазый* и др.). В нашей картотеке зафиксировано 14 подобных композитов.

Это служит подтверждением на языковом уровне своеобразия отличительных особенностей данного органа зрения.

Достаточно активно в качестве опорного компонента сложных адъективов, выражающих категорию подобия на имплицитном уровне, используются лексемы со значением «голова» (*остроголовый пик, огнеглавый змей*); «ноги» (*мягконогое притворство, голубоногие ветра*); «лицо» (*кислолицая дама, оливковоликий* – субстантиват).

Употребление в приведенных композитах традиционно-поэтических слов (*очи, лик, глава*) объясняется стилистическими особенностями, стремлением придать сложным именам прилагательным дополнительные оценочные характеристики.

Первым компонентом рассматриваемых адъективов – компонентом-конкретизатором также в большинстве случаев являются основы имен существительных (*серпоклювый кроншип, волчезлая жадность, златокорый сосновый бор* и др.). Употребляются и основы имен прилагательных (*ясноствольные березы, мутноумная баба* и др.).

В исследуемых материалах зафиксирован композит, где компонент-конкретизатор выступает в качестве опорного: *озерноглазые равнины* – «такие равнины, на которых озера как будто глаза на человеческом лице» (НРЛ-84): «Перевожу поэтов Олстера, Не по заказу. Я ни разу Зеленого не видел острова, Его равнин озерноглазых И пустоглазых зданий взорванных».

В ином контексте – *озерноглазая женщина* – «такая женщина, у которой глаза напоминают озера; огромные, особенные, глубокие» – компонент-конкретизатор становится первым компонентом сложения, что говорит о широких потенциальных возможностях такого языкового средства, как метафора, для формирования образных номинаций.

Категория подобия в сложных именах прилагательных, имеющих образную семантику, чаще всего формируется в процессе метафоризации. Причем метафора в рассматриваемых композитах «внутрисловная», уподобление происходит на уровне компонентов сложного адъектива (*пшеничноволосый* – «такие волосы, которые по цвету напоминают пшеницу» (НРЛ-79): «Он был пшеничноволос, и усы рыжими змеями ползли вниз»).

В этом отличие данных композитов от сложных прилагательных, при помощи которых также формируется категория подобия путем метафоризации, но уже на «межсловном» уровне, в составе словосочетания (*темногодные глаза* – «такие глаза, которые по цвету и форме напоминают темные ягоды»; *долготелые «КамАЗы»* – «такие машины, корпус у которых как будто тело у человека или животного»; *сизобрюхие облака* – «такие облака, которые по форме напоминают брюхо животного»).

Языковые метафоры, как правило, выражают устойчивое подобие, какое-то постоянное сходство, чаще всего по форме, размеру, цвету, качеству и другим признакам, воспринимаемым с помощью органов чувств: «Целый ряд новых метафорических значений... отражает сходство эмпирических признаков, актуализирует конкретно-чувственные признаки, заложенные в семантике производящих существительных» [4, с.83].

В основе метафор, с помощью которых формируется лексическое значение сложных имен прилагательных, выражающих понятие подобия на имплицитном уровне, лежат уподобления по форме (*серпоклювый кроншнеп, стрелокрылые самолеты*), по цвету (*лимонноволосяя дама, шоколадкожая девочка*), по качеству (*мутноумная баба, ясноствольные березы*), по сходству свойств (*соколиноглазый повелитель, чугунолобый человек*), по внешнему виду (*озерноглазые равнины*); двуплановые уподобления по форме и цвету (*солнцебокие карны*), по внешнему виду и форме (*кактусоногий человечек*), по цвету и качеству (*огнекипящая магма человеческих страстей*).

При метафоризации путем уподобления в семной структуре производящей основы первого компонента – компонента-конкретизатора, являющегося компонентом-сравнением, компонентом-подобием, создающим образное представление о том, что называет опорный компонент сложного адъектива, могут актуализироваться различные семы – как ядерные, так и периферийные, которые в сформированной семной структуре переходят в разряд ядерных, а не востребуемые ядерные семы нейтрализуются.

Примерами актуализации только ядерных сем производящей основы компонента-конкретизатора могут служить композиты *среброснежная ночь, серпоклювый кроншнеп, золотобровый* (субстантиват) и др.

Среброснежная ночь – «такая, когда снежинки по цвету и блеску напоминают серебро» (НРЛ-82): «На улице как-то удивительно: тихо, лунно, снег под ногами шепчет о чем-то. Благословенная среброснежная ночь». Ср.: *серебро* – «химический элемент, благородный металл серовато-белого цвета с блеском (употребляется для выделки ювелирных изделий, посуды, для чеканки монеты, в фотографии и т.п.)». В производящей основе компонента-конкретизатора актуализируются ядерные семы «цвет», «серовато-белый», «блеск».

Серпоклювый кроншнеп – «такой, у которого клюв по форме напоминает серп» (НРЛ-79): «Большие серпоклювые кроншнепы неторопливо ходили по мелководью». Ср.: *серп* – «ручное сельскохозяйственное орудие в виде сильно изогнутого мелко зазубренного ножа для срезывания хлебных злаков с корня». Актуализируются семы «сильно», «изогнутый».

В приведенных примерах производящей основой компонента-конкретизатора являются слова, употребляемые в прямом значении. Это характерно для имен существительных. Используются и слова в переносном значении, что присуще основам имен прилагательных (*кислолицая дама, чугунолобый человек, мутноумная баба* и др.).

Кислолицая дама – «такая, у которой лицо «кислое»; недовольное, неудовлетворенное» (НРЛ-77): «Надо смотреть не на Блажевича, а на коллегу Дени.. Или на ту кислолицую лимонноволосяю даму в золотых очках с квадратными стеклами». Ср.: *кислый* – *перен.* «выражающий недовольство, неудовлетворенность, тоскливо-унылый».

В семной структуре компонента-конкретизатора при метафоризации путем уподобления могут также актуализироваться одновременно ядерные и периферийные семы. Примерами являются композиты *рысьеглазый, ястребиноглазый* (субстантиваты), *буйвологлазый бармен* и др.

Рысьеглазый – «тот, у которого глаза похожи на глаза рыси; густо-желтого цвета» (НРЛ-88): «А этот, рысьеглазый, до утра не дотянет.» Ср. *рысь* – «хищное животное сем. кошачьих, с густым, пушистым мехом рыжевато-бурого цвета».

В данном случае произошла актуализация ядерных сем «хищное», «животное», «сем.кошачьих» и периферийных «глаза», «цвет», «густо-желтый».

Ястребиноглазый – «тот, у которого глаза похожи на глаза ястреба; холодные, безжалостные» (НРЛ-78): «Заманчиво еще пощекотать читателя эпизодиками в духе детектива. Не унижусь, однако, до спекуляции на жанре. Тем более что ястребиноглазые были всего-то представителями администрации данного учреждения». Ср.: *ястреб* – «хищная птица с коротким крючковатым клювом и длинными острыми когтями».

В этом примере в семной структуре компонента-конкретизатора актуализируются ядерные семы «хищный», «птица» и периферийные «холодный», «безжалостный», «глаза».

В отличие от метафоризации путем уподобления, сложные адъективы могут образовываться и при помощи ассоциативной метафоризации, когда в основе формирования лексического значения композита лежат отвлеченные ассоциации, возникающие «не на предметно-понятийной основе, а на сложных впечатлениях от предмета, на ощущениях психологического или эмоционально-оценочного

плана, актуализируются периферийные компоненты значения производящего существительного, ассоциативные или фоновые признаки» [4, с.83-84].

Ассоциативная метафора бывает «внутрисловной» (*кинжалоглазые ханы*), но чаще всего мы можем говорить о единстве «внутрисловной» и «межсловной» метафор в составе словосочетания (*синеперый ветер, огнекрылый мак, мягоногое притворство* и др.).

При такой метафоризации происходит актуализация как ядерных, так и периферийных ассоциативных сем.

Синеперый ветер – «подобный птице с синими перьями; такой, у которой перья синего цвета, подобно цвету неба» (НРЛ-80): «Была мечта: увидеть горы, Взойти по ним на небеса, Туда, где ветер синеперый, Рвет облака на паруса!». Ср.: *синий* – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым; цвета цветков василька».

В семной структуре производящей основы компонента-конкретизатора, помимо ядерных сем, в условиях рассматриваемого синтаксического единства произошла и актуализация периферийной ассоциативной семы «цвет (неба)».

Огнекрылый мак – «подобный бабочке с огненными крылышками; такой, у которого крылышки по цвету и трепетанию напоминают огонь» (НРЛ-79): «Огнекрылый мак, одуванчики величиной с голову младенца и над всей этой необозримой степной ширью – стрекот несметных цикад». Ср.: *огонь* – «раскаленные, светящиеся газы вокруг горящего предмета; пламя».

В этом примере в семной структуре производящей основы компонента-конкретизатора актуализировались ядерные семы «раскаленный», «светящийся» и периферийная ассоциативная «трепетать», которая также присутствует в семной структуре существительного «крылышки» (бабочки).

Мягоногое притворство – «подобное человеку, ступающему осторожно, неслышно, вкрадчиво; такому, у которого ноги как будто «мягкие», бесцеремонному, опасному» (НРЛ-78): «Клянусь тебе за многое, За то, что мне назло *Притворство мягоногое* Войти в мой дом смогло». Ср.: *мягкий* – «тихий, чуть слышный».

В семной структуре компонента-конкретизатора происходит актуализация ядерных сем «чуть», «слышный» и периферийных ассоциативных «бесцеремонный», «опасный».

Следует отметить, что в приведенных словосочетаниях «межсловная» метафора является олицетворяющей.

Анализ подобных смысловых единств позволяет сделать вывод о проявлении в данном случае двойной метафоры – «внутрисловной» и «межсловной», создающей в целом необычное, яркое, эмоционально-оценочное представление об известных и привычных для нас реалиях.

Двойная метафора также может быть только «межсловной». Например, *тусклозарешеченный день*: *тусклый день* – «бессодержательный, скучный, серый» и *зарешеченный день* – «такой, который словно отгорожен решеткой» (НРЛ-85): «Мы разговаривали не в обычный *тусклозарешеченный день* для этого политического заключенного. Передаю Леонарду Пелтиеру поздравления с днем рождения».

Широкие потенциальные возможности данного способа деривации подтверждаются примером тройной метафоры, где смысловое единство передается сложным словосочетанием: *огнекипящая магма человеческих страстей* – «такие человеческие страсти, которые подобны вулканической магме; которые словно кипят; которые по накалу подобны огню» (НРЛ-84): «Разногласия глубже – достигают *огнекипящей магмы* человеческих страстей».

Категория подобия в сложных именах прилагательных, имеющих образную семантику, может формироваться и в процессе метонимизации, когда происходит «употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними» [5, с.177]. Перенос наименования осуществляется по смежности, сопредельности. Примером является композит *зеленоплечие солдаты*.

Зеленоплечие солдаты – «такие, у которых плечи по цвету подобны зелени (из-за зеленых погон)» (НРЛ-78): «В пограничные войска призывается молодежь. Но *зеленоплечие солдаты* показались мне старше, строже, взрослее».

Следует отметить, что, поскольку подобие является основополагающим признаком метафоры, категория подобия в рассматриваемых сложных адъективах при метафоризации выражена более полно, чем при метонимизации, когда этот признак является сопутствующим, необязательным для процесса деривации.

Выводы.

1. Лексическое значение сложных адъективов, выражающих понятие подобия на имплицитном уровне, может формироваться как в результате метафоризации, так и в результате метонимизации.

2. Образование сложных имен прилагательных в процессе метафоризации происходит: а) путем уподобления; б) на основании ассоциативных признаков.

3. В анализируемых композитах метафора наблюдается на уровне компонентов сложного адъектива («внутрисловная») и на уровне компонентов словосочетания («межсловная» метафора).

4. Проявление в рассмотренных примерах двойной и тройной метафор свидетельствует о широких потенциальных возможностях данного способа деривации.

Литература:

1. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
2. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка: Монография. – К.: ИСИОУ, 1993. – 280 с.
3. Ничик Н.Н. Олицетворение в поэтической речи В.В.Маяковского (на материале поэм 1914 – 1924 гг.) // Исследования по семантике. Сборник научных статей. – Симферополь: СГУ, 1987. – С. 93-100.
4. Шабунина Т.В. Оказиональные значения отсубстантивных прилагательных с суффиксом -н // Вопросы русского словообразования и методики его преподавания в национальной школе. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 77-85.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры» // Актуальные проблемы русского словообразования. – Т. 143. – Ташкент, 1975. – С. 53-57.
7. Котлярова Е.Н., Крюкова С.В., Шипицына Г.М. Относительные прилагательные русского языка в семантико-деривационном и функциональном аспектах. – Белгород: Изд-во Белг. гос. университета, 2003. – 252 с.

Поступила 20.09.2004 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

И.А. Пушкарева

Статья посвящена изучению термина как средства фиксации, кодирования, хранения и передачи профессиональной информации. В статье находят отражение проблемы получения и обработки информации, формирования понятия, влияния терминологии на познавательную деятельность человека, а также подчеркивается активная роль языка в процессе познания. В статье рассматриваются прагматические причины появления новой терминологии и анализируется лингвистическая модель как знание и как возможность для получения нового знания.

Ключевые слова: термин, прагматика, научно-познавательная система, экономическая терминосистема русского языка

Стаття присвячена вивченню терміна як засоба фіксації, кодування, зберігання і передачі професійної інформації. У статті знаходять відображення проблеми отримання й обробки інформації, формування поняття, впливу термінології на пізнавальну діяльність людини, а також підкреслюється активна роль мови в процесі пізнання. У статті розглядаються прагматичні причини появи нової термінології і аналізується лінгвістична модель як знання і як можливість для отримання нового знання.

Ключові слова: термін, прагматика, науково-пізнавальна система, економічна терміносистема російської мови

The article is devoted to study of the term as a mean of fixing, coding, storage and transfer of the professional information. Such problems: as reception and processing of the information, formation of concept, influence of terminology on cognitional activity find reflection in the article and also the active role of language in knowledge is emphasized. In the article the pragmatic reasons of occurrence of a new terminology are examined, and the linguistic model as knowledge and as an opportunity for reception of new knowledge is analyzed.

Key words: term, pragmatist, scientifically-cognitive system, economic term's system of Russian language

Человек познает мир путем наблюдения окружающей его действительности и реализации в ней своей научно-познавательной деятельности (в нашем случае в области экономики), результаты которой закрепляются в терминах. Термин, отражая действительность, представляет окружающий мир путем обозначения его явлений и предметов. В экономической терминологии отражены: реалии и процессы экономического развития общества; тенденции рынка; кредитно-денежные отношения;